

УДК 821.112.2
ББК 83.3(4Нем)

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-6-40-47

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА BILDUNGSROMAN В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА МАННА И ГЕРМАНА ГЕССЕ

Д. А. Беляков

Аннотация. Цель статьи – исследовать трансформацию жанра романа воспитания в творчестве Т. Манна и Г. Гессе. В первой, вводной части статьи концептуально обобщаются векторы развития освященного авторитетом Гёте философско-литературного канона *Bildung* в XVIII–XIX вв. В основной части исследования анализируется специфика механизмов трансформации этих традиций в художественном мире Т. Манна и Г. Гессе конца 1910-х – начала 1940-х гг. Материалом выступают романы «Волшебная Гора», «Иосиф и его братья», «Демиян», «Сиддхартха», «Степной Волк». Подчеркивается, что жанровый канон *Bildungsroman* модифицировался Манном и Гессе в контексте открытий, совершенных З. Фрейдом и особенно К. Г. Юнгом, к которым оба писателя проявляли значительный интерес, малоизученный отечественным литературоведением. Делается вывод, что одна из ключевых категорий юнгианской психологии – процесс индивидуации – претворяется в сюжетобразующий мотив исследуемых романов.

Ключевые слова: Томас Манн, Герман Гессе, жанр, роман воспитания, трансформация, глубинная психология.

TRANSFORMATION OF THE BILDUNGSROMAN GENRE IN TH. MANN AND H. HESSE'S WORKS

D. A. Belyakov

Abstract. The article is aimed to investigate the transformation of the *Bildungsroman* genre in Th. Mann and H. Hesse's works. The first, introductory part of the article conceptually generalizes the vectors of development of the philosophical and literary canon *Bildung* consecrated by Goethe's authority in the XVIII–XIX centuries. The main part of the research analyzes the specifics of the mechanisms of transformation of these traditions in Th. Mann and H. Hesse's aesthetics world of the late 1910s – early 1940s. The material is represented by the novels „The Magic Mountain”, „Joseph and His Brothers”, „Demian”, „Siddhartha”,

© Беляков Д. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

„*Steppenwolf*“. It is emphasized that the genre canon of *Bildungsroman* poorly studied by national literary criticism, was modified by Mann and Hesse in the context of discoveries made by S. Freud and especially C. G. Jung, to both of them the writers showed a significant interest. It is concluded that one of the key categories of Jung's psychology – the individuation process – is translated into the plot-forming motif of the novels under study.

Keywords: *Thomas Mann, Hermann Hesse, genre, Bildungsroman, transformation, depth psychology.*

В *Bildungsroman* – одна из ключевых типологических романских разновидностей в истории немецкой литературы Нового времени. В центре его внимания – проблема генезиса и эволюции человеческой личности, ее внутренняя – по определению Бланкенбурга – история (*innere Geschichte des Charakters*) [1, с. 392].

Историю этого жанра обычно начинают с «Агатона» (1766–1767) К. М. Виланда и «Германа и Ульрики» (1780) И. К. Вецеля. Каноническим образцом жанра, давшим всестороннее художественное выражение философско-антропологическим воззрениям своей эпохи, принято считать «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796) И. В. Гёте.

Известная степень статичности, дидактизма и идеальности, формирующая значительную часть воспитательной линии в романах Виланда и Вецеля (“*die Grundzüge der Seele bleiben unveränderlich*” [2] – «основные свойства души остаются неизменными»), обогащается в гётевском романе, с одной стороны, диалектическим, а с другой – практическим компонентами.

Ответственный, зачастую парадоксальный поиск своих *Berufung* (призвания) и *Beruf* (профессии) претворяет индивида в полноправное звено общечеловеческой культуры. А последующий добросовестный труд во имя общего блага дарует истинную свободу.

«Растворяться в толпе», «жить для других, трудясь над тем, что сознаешь своим долгом», – такие идеалы провозглашает один из наставников Мейстера [3, с. 4]. Иными словами, индивиду надлежит обнаружить такую степень восприимчивости, которая позволила бы ему примирить глу-

бинные индивидуальные устремления с объективными требованиями социума.

В ряду философско-педагогических концептов XVIII в. *Bildung* поначалу пребывает в одном синонимическом ряду с *Entwicklung* и *Erziehung*. По мере постепенной дифференциации значений в *Entwicklung* на передний план выходит идея природного саморазвития, а в *Erziehung* акцентируется формирующее педагогическое вмешательство в развертывание заложенных природой возможностей. *Bildung* же призван обеспечить возможность органического соединения двух этих начал.

Концептуальное толкование гуманистического идеала *Bildung* дает В. Гумбольдт. «Культивированный» (то есть образованный) индивид способен предаваться общественному служению, не теряя при этом свою «духовную» сущность, не «отчуждая» ее [4, с. 235–237]. Таким образом, в рамках его модели социализация – как и у И. Г. Гердера – оказывается, в сущности, тождественной индивидуализации.

Вильгельм Мейстер становится мужем, отцом, членом Общества Башни, устремленного к практическому переустройству мира на основе разума и гуманизма. Второе название Общества – «Отрекающиеся» (“*die Entsagenden*”) – очевидно перекликается с идеей разумного самоограничения – одним из ключевых положений Веймарского классицизма. Именно в этой логике театр не становится призванием Мейстера, а остается лишь одним из этапов его всестороннего «воспитания». (Напомним, что этот факт вызвал бурное негодование ранних немецких романтиков во главе с Новалисом, замыслившим своего Генриха фон Офтердингена как анти-Мейстера).

Согласно гегелевскому пониманию романа, сформированному с учетом своеобразно осмысленной художественной модели Гёте, цель этого жанра состоит, как известно, в примирении поэзии сердца с прозой жизни [5, с. 475]. Доводя эту линию до предела, Т. Фишер спустя несколько десятилетий предъявит в своей «Эстетике» (1846–1857) еще более четкие требования к Bildungsroman: он должен вести к поступку (Tat) и даровать недвусмысленный (буквально «прочный» – “fest”) вывод [6, с. 183].

Итак, магистральный путь Вильгельма Мейстера Гёте как образцового героя просветительского Bildungsroman представляется движением от индивидуально-эстетического начала к социально-этическому.

В заданной Мейстером парадигме с довольно широким диапазоном мировоззренческих градаций, как правило, рассматриваются такие романы XIX в., как, например, «Бабье лето» (1857) А. Штифтера – с характерным акцентом на свободном развитии способностей протагониста. Практическое освоение ремесел, изучение естественных наук, возникновение профессионального интереса к геологии, расширяющее горизонты знакомство с миром искусства, длительное путешествие по Европе, женитьба на благородной девушке – вот этапы размеренного и подчеркнута идиллического пути «социализации» Генриха Дрендорфа, воссозданного в духе эстетики бидермайера.

В этом же ряду – вторая редакция «Зеленого Генриха» Г. Келлера (1879/80), изображающего тернистый путь взросления художника, его постепенного превращения в устремленного к общественному благу государственного служащего. Принципиальным отличием предстает здесь тот факт, что в романе Штифтера отсутствует мотив прощания протагониста с иллюзиями, в то время как у Келлера он оказывается одним из сюжетообразующих.

Важный перелом в поэтике Bildungsroman – роман Г. Фрейтага «Приход и расход» (1855), в котором поиск идентичности целиком и полностью переносится в сферу экономических и трудовых отношений.

Гуманистическая триада истины, добра и красоты с легкой руки Антона Вольфарта вытесняется иным триединством: коммерческой выучкой, желанием трудиться и платежеспособностью.

Та девальвация и утилитаризация гуманистического идеала, что несколькими десятилетиями ранее, в «Житейских воззрениях кота Мурра» (1819–1821) Е. Т. А. Гофмана, осмыслялась иронически и пародийно, у Фрейтага совершенно лишена иронии, напротив – служит прямо-таки гимном немецкому национальному характеру. Постепенное огосударствление Bildung рождает понятие «образованный филистер» (Bildungsphilister), введенное в обиход Ф. Ницше. Спустя полвека этот феномен получит развернутую интерпретацию в работе Т. Адорно “Theorie der Halbbildung” (1959). Согласно Адорно, Halbbildung (букв. «полувоспитание», «полукультура») являет собою показное поверхностно-утилитарное образование как инструмент приспособленчества.

Согласимся с О. Гутъяр, придерживающейся мнения, что вопреки сложившейся в немецком литературоведении традиции эталоном коррелирующего с Bildungsroman «антивоспитательного романа» (Antibildungsroman, negativer Bildungsroman) следовало бы именовать вовсе не «Антон Райзера» (1790) К. Ф. Морица, амбициозные планы героя которого – карьера актера, учеба в университете – терпят крушение во враждебном мире, а именно романы фрейтаговского типа, то есть поэтизирующие нерефлектирующих протагонистов, сознательно встающих на путь подчеркнутого конформизма [7, с. 60].

Обратимся к Т. Манну и Г. Гессе. Как известно, оба писателя подчеркивали почтение и преемственность по отношению к освященной авторитетом Гёте философско-литературной традиции Bildung.

Так, Манн отмечал, что «вклад Германии в европейское повествовательное искусство <...> это главным образом роман воспитания и формирования героя, как гётевский “Вильгельм Мейстер”» [8 с. 285]. Гессе подчеркивал, что в романе Гёте речь

идет не о поисках «личного счастья» героя. В нем явлен идеал жизни, «устремленной к свободному служению» и органично «включенной в Целое» [9, с. 27].

При этом в художественном мире их прозы традиции Bildungsroman актуализируются в диахроническом аспекте, включая как канонические просветительские образцы, так и романтическую полемику с ними, а затем и ницшеанскую критику девальвации идеала Bildung. Исследуя пути трансформации Bildungsroman в первой половине XX в., М. Вюнш тонко подмечает тот факт, что литература модерна имеет дело не с «преднаходимым», а с «постоянно искомым» героем, разрываемым сознательно-бессознательными противоречиями [10, с. 230–231].

Действительно, жанровый канон романа воспитания модифицируется Манном и Гессе в контексте открытий, совершенных современной им «глубинной психологией» (Tiefenpsychologie) З. Фрейда и особенно К. Г. Юнга, к которой оба писателя проявляют значительный личный и творческий интерес.

Отступая от революционного по форме, но позитивистского по содержанию фрейдовского требования обращения «Оно» в «Я» и постулируя принципиальную незавершенность личностного роста, аналитическая психология К. Г. Юнга предлагает, по мнению Манна и Гессе, значительно более адекватные подходы к полицентрическому динамизму душевной жизни.

В основе сюжетно-композиционной организации модифицированного романа воспитания обнаруживается описанный Юнгом процесс индивидуации главного героя – то есть спонтанное пробуждение Самости, архетипа целостности, равноудаленного как от сознания, так и от бессознательного.

Так, например, в романе Манна «Волшебная гора» (1924) кульминационная фаза индивидуации воссоздана на страницах эпизода «Снег». Символическое снежное видение эффектно и эффективно демонстрирует Гансу Касторпу мировоззренческую не-

состоятельность его менторов, суверенизируя ценностную позицию протагониста.

Изучая взаимосвязи литературы и глубинной психологии, Р. Г. Каралашвили формулирует разделяемый нами подход: «Лики бессознательного обладают такими характеристиками, которые позволяют рассматривать их как автономные личности» [11, с. 532]. С этой точки зрения окружающие Ганса Касторпа персонажи представляются динамично взаимодействующими архетипическими образами, обуславливающими процесс его индивидуации, которая, в свою очередь, претворяется в сюжетообразующий мотив романа.

Если гуманиста Сеттембрини юнгианская герменевтика интерпретирует в качестве проекции архетипа Персоны, то есть образа, являемого социуму, то иезуит Нафта представит архетипом Тени – сгустком черт, несовместимых с сознательным представлением личности о себе. Мадам Шоша представительствует от имени дополняющего мужскую психику женского начала – Анимы. Эволюция восприятия Гансом Персоны, Тени и Анимы свидетельствует о том, что герой интегрирует соответствующее архетипическое содержание в свою более дифференцированную по отношению к нему душевную жизнь – то есть избегает деструктивной для процесса индивидуации идентификации с архетипом. Что касается мингера Пеперкорна, то голландец ассоциируется с восходящей к архетипу Духа фигурой Мудрого Старца, дарующего подлинную уверенность в себе¹.

Анализ архетипической семантики «Волшебной горы» позволяет пролить дополнительный свет на корреляцию образов персонажей, а также на природу кризиса и перерождения протагониста, определяющих его постепенную интуитивную эволюцию в направлении столь принципиального для художественных исканий Манна 1920–1930-х гг. «нового гуманизма».

По мнению С. С. Аверинцева [12, с. 110], Т. Манну принадлежит одно из самых точных

¹ См. подробнее: *Беляков Д. А.* Эволюция главного героя романа Т. Манна «Волшебная Гора» в свете аналитической психологии К. Г. Юнга // Вестник МГЛУ. Сер. Филологические науки. 2014. № 21 (707). С. 18–44.

и емких определений архетипа, данное им в контексте работы над циклом романов об Иосифе Прекрасном. В докладе «Иосиф и его братья» (1942) писатель отмечает: «В типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [13, с. 175].

Юнгианское прочтение библейской тетралогии (1933–1943) оказывается не менее продуктивным, чем в случае с «Волшебной горой».

Обращаясь к ветхозаветной тематике, стремясь, по его собственному выражению, вырвать миф из рук нацистских идеологов, Манн, в сущности, конструирует следующий синонимический ряд: мифическое – архетипическое – психоаналитическое. Он признается: «Стоило мне как повествователю перейти от бюргерски-индивидуального к мифическо-типическому, моя тайная связь с психоаналитической сферой вступила, так сказать, в свою активную стадию» [14, с. 209].

Сформулированное Гансом Касторпом понимание личности как «хозяина противоречий» получает свое концептуальное развитие в принципе «двойного благословения», лейтмотивном для жизненного пути мудрого, утонченного и в то же время деятельного Иосифа. Симбиоз благословения «неба» и «бездны» в значительной степени снимает антагонизм духа и природы, даруя прямой путь к освещаемому юнгианской Самостью «новому гуманизму».

Ключевыми этапами становления Иосифа представляются: наивная самовлюбленность и желание внешне соответствовать статусу избранного; потрясение от мести оскорбленных братьев; радикальное переосмысление прежней инфантильной мировоззренческой модели; нравственное пере-

рождение; деятельное верное служение Потифару; противостояние искушению любвеобильной и коварной Мут-эм-энет; сновидческие опыты; обретение статуса правителя Египта; наконец, примирение с братьями.

О сознательно-бессознательной устремленности главного героя к обретению Самости свидетельствует лейтмотив его особых диалогически-интимных взаимоотношений с Богом, связывающих все вышеперечисленные этапы воедино. Иосифу близок принцип пожизненного творческого сотрудничества индивида с создателем, им движет идея творческой взаимообусловленности их бытия. «...Богу не обойтись без человека, человеку – без бога, <...> стремления того и другого к высшим целям переплетаются между собой», – замечает Т. Манн в докладе о «Иосифе и его братьях» [13, с. 189]. У Юнга читаем: Самость – не что иное, как «Бог в нас» [15, с. 237].

Проблема становления личности – краеугольный камень поэтики интеллектуальной прозы Г. Гессе¹.

«Утверждаться в самом себе, нащупывать собственный путь вперед, куда бы он ни вел» [16 с. 297–298] – так звучит одна из максим «Демияна» (1919) Гессе, неоднократно воспроизводимая в тексте романа и в метафорическом ключе – как болезненный, но неизбежный процесс вылупления птицы из яйца. Очевидно, именно это концептуальное манифестирование императива автономного внутреннего роста позволило Т. Манну засвидетельствовать: история Эмиля Синклера попала «в нерв времени» [17, с. 238]. Британский исследователь Д. Саймонс справедливо замечает: «Демиян» служит доказательством органической трансформации немецкого романа воспитания в психоаналитический роман [18, с. 540–541].

Автономная логика самоактуализации – смысловой центр романа-притчи «Сиддхартха» (1922). Ориентация протагониста на конвенциональные проекты жизнестроительства уступает место стремлению обрести собственный, еще никем не

¹ К слову, Г. Гессе проходил в 1916–1917 гг. курс лечения у ученика Юнга – доктора Йозефа Ланга.

проложенный путь. В этой парадигме даже великий Будда лишается возможности стать истинным наставником, ведь путем Будды по определению может следовать лишь он сам.

Характерен путь, пройденный Гарри Галлером («Степной волк», 1927). Чтобы попасть в «Магический театр», герой должен отказаться от одностороннего рационального мировосприятия, мешающего ему обрести целостный взгляд на свою многогранную личность – эту «луковицу, состоящую из сотни кожиц, ткань, состоящую из множества нитей» [19, с. 273]. Именно поэтому вход в «Театр» открыт только для *с-ума-шедших* – то есть тех, кто вышел за рамки парадигмы рациональности и логотризма.

Близкая Манну склонность Гессе к формированию своих персонажей как неких символических архетипических фигур в юнгианском ключе наиболее ярко проявляется именно в романе о Гарри Галлере. Появление на его горизонте того или иного собеседника свидетельствует о некоем переломном моменте становления героя, о некоей точке бифуркации. Именно бифуркации – поскольку положительно коллизия разрешается лишь в случае, если не происходит пагубного самоотожествления героя с той или иной психической функцией. К чести протагониста, ему суждено в целом достойно преодолеть путь индивидуации, узловыми точками которого предстают: «господин Галлер» и знакомый ему молодой профессор – проекции архетипа Маски, «Гарри-Волк» – воплощение Тени, а также андрогинная Гермина – олицетворение Анимы. Наконец, «Мудрый старец» саксофонист Пабло, проводник героя в «Магическом театре», делает возможным встречу с «бессмертным» Моцартом, актуализирующим архетип Самости и дарующим устойчивую ментальную позицию. При этом Юнг, как известно, подчер-

кивал: «магический – просто другое слово для обозначения психического» [15, с. 186]. Таким образом, «Магический театр» – своего рода встреча героя с глубинами своего «Я», символ многообразия сознательно-бессознательной жизни индивида².

В полном соответствии с духом и сущностью юнгианской аналитической психологии Самость предстает в художественном мире Гессе своего рода указателем пути, но никак не финишной чертой. Именно поэтому претерпевающий глубинный психологический кризис Гарри Галлер оказывается не в состоянии сразу освоить все тонкости «Магического театра». По этой же причине в развязке романа Гарри демонстрирует решимость «когда-нибудь сыграть в эту игру получше» [19, с. 400]. В аналогичном ключе стоит воспринимать забывание Гансом Касторпом выводов своего снежного видения. Отметим, что ту же природу обнаруживают излюбленные Т. Манном и Г. Гессе нарративные стратегии, предполагающие право героев эволюционировать в непредрежденном направлении и старательно избегающие завершающих суждений об их типологической сущности.

Подведем итоги.

Если в романе гётевского типа превалирует тенденция к «воспитательной» социализации – примирению личного и общественного идеалов, то в художественном мире Т. Манна и Г. Гессе преобладает модель становления личности, протекающая вопреки требованиям социальной адаптации. Их герои не формируются для других, а совершенствуются для себя, актуализируя креативные потенциалы психики, раскрывая подлинные личностные потребности, в полной мере реализуя эстетический и мировоззренческий потенциал архетипа Самости.

В «большом» историческом времени жанровые искания Манна и Гессе прочитываются как стремление внести концептуальный

² См. подробнее: *Анисова А. А., Жук М. И.* Архетип Тени в романе Г. Гессе «Степной волк» с точки зрения теории аналитической психологии К. Г. Юнга // Культурно-языковые контакты. Вып. 9. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006. С. 300–312; *Корнилова Е. Н.* Погружение в глубины психики и тайна раздвоения личности в романах Э. Т. А. Гофмана и Г. Гессе // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2014. № 1. С. 46–55.

вклад в прояснение гуманистического варианта разрешения «проблемы человека», трагически обострившейся к началу XX в. – времени «на некоем рубеже и перед поворотом, глубоко расщепившим нашу жизнь и сознание...» [20, с. 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Blanckenburg F.* Versuch über den Roman. Faksimiledruck der Originalausgabe von 1774. Stuttgart: Metzler, 1965. 528 S.
2. *Wieland C. M.* Geschichte des Agathon. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/geschichte-des-agathon-4642/1> (дата обращения: 23.08.2020).
3. *Гёте И. В.* Годы учения Вильгельма Мейстера // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1978. 528 с.
4. *Humboldt W.* Theorie der Bildung des Menschen // Humboldt W. Werke in 5 Bänden. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1960. S. 234–240.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 624 с.
6. *Vischer Th.* Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen: in 6 Bänden. Bd. 6. München: Meyer & Jessen, 1923. 632 S.
7. *Gutjahr O.* Einführung in den Bildungsroman. Darmstadt: WBG, 2007. 162 S.
8. *Манн Т.* Искусство романа // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1961. С. 272–287.
9. *Hesse H.* Gesammelte Schriften in 7 Bänden. Bd 7. Betrachtungen und Briefe. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1957. 944 S.
10. *Wünsch M.* Die Fantastische Literatur der Frühen Moderne (1890–1930): Definition. Denkgeschichtlicher Kontext. München: Fink, 1991. 268 S.
11. *Каралашвили Р. Г.* Функция персонажа как «фигуры» бессознательного в творчестве Германа Гессе // Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 529–535.
12. *Аверинцев С. С.* Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110–111.
13. *Манн Т.* Иосиф и его братья. Доклад // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1960. С. 172–191.
14. *Манн Т.* Фрейд и будущее // Путь на Волшебную гору / под ред. С.К. Апта. М.: Вагриус, 2008. С. 198–217.
15. *Юнг К. Г.* Психология бессознательного. М.: Канон +, 2003. 400 с.
16. *Гессе Г.* Демиан // Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Прогресс-Литера; Харьков: Фолио, 1994. С. 205–324.
17. *Mann Th.* Hermann Hesse zum siebzigsten Geburtstag // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Bd. 19.1: Essays VI (1945–1950). Frankfurt am Main: Fischer, 2009. S. 234–239.
18. *Simons J. D.* Hermann Hesse // Encyclopedia of the Novel / ed. by P. Schellinger. Vol. 2. New York: Routledge, 1988. 838 p.
19. *Гессе Г.* Степной волк // Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Прогресс-Литера; Харьков: Фолио, 1994. С. 223–400.
20. *Манн Т.* Волшебная гора (главы шестая–седьмая) // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1959. 541 с. С. 7–528.

REFERENCES

1. *Blanckenburg F.* Versuch über den Roman. Faksimiledruck der Originalausgabe von 1774. Stuttgart: Metzler, 1965. 528 p.

2. Wieland C. M. Geschichte des Agathon. Available at: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/geschichte-des-agathon-4642/1> (accessed: 23.08.2020).
3. Goethe J. W. Gody ucheniya Vilgelma Meistera, In: Goethe J. W. *Collected works in 10 volumes*. Vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 528 p. (In Russian)
4. Humboldt W. Theorie der Bildung des Menschen. In: Humboldt W. *Werke in 5 Bänden*. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1960. Pp. 234–240.
5. Hegel G. W. F. *Estetika: in 4 vols*. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo, 1971. 624 p. (In Russian)
6. Vischer Th. *Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen: in 6 Bänden*. Bd. 6. München: Meyer & Jessen, 1923. 632 p.
7. Gutjahr O. *Einführung in den Bildungsroman*. Darmstadt: WBG, 2007. 162 p.
8. Mann Th. Iskusstvo romana. In: Mann Th. *Collected works in 10 vols*. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat, 1961. Pp. 272–287. (In Russian)
9. Hesse H. *Gesammelte Schriften in 7 Bänden*. Bd. 7. Betrachtungen und Briefe. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1957. 944 p.
10. Wunsch M. *Die Fantastische Literatur der Frühen Moderne (1890–1930): Definition. Denkgeschichtlicher Kontext*. München: Fink, 1991. 268 p.
11. Karalashvili R. G. Funktsiya personazha kak “figury” bessoznatel'nogo v tvorchestve Hermanna Hesse. In: *Bessoznatel'noe. Priroda. Funktsii. Metody issledovaniya*. Vol. II. Tbilisi: Metsniereba, 1978. Pp. 529–535. (In Russian)
12. Averintsev S. S. Arkhetipy. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. Pp. 110–111. (in Russian)
13. Mann Th. Iosif i ego bratya. Doklad. In: Mann Th. *Collected works in 10 vols*. Vol. 9. Moscow: Goslitizdat, 1960. Pp. 172–191. (In Russian)
14. Mann Th. Freud i budushchee. In: *Put' na Volshebnuyu goru*. Ed. by S. K. Apt. Moscow: Vagrius, 2008. Pp. 198–217. (In Russian)
15. Jung C. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo*. Moscow: Kanon +, 2003. 400 p. (In Russian)
16. Hesse H. Demian. In: Hesse H. *Collected works in 8 vols*. Vol. 2. Moscow: Progress-Litera; Kharkov: Folio, 1994. Pp. 205–324. (In Russian)
17. Mann Th. Hermann Hesse zum siebzigsten Geburtstag. In: *Große kommentierte Frankfurter Ausgabe*. Bd. 19.1: Essays VI (1945–1950). Frankfurt am Main: Fischer, 2009. Pp. 234–239.
18. Simons J. D. Hermann Hesse. In: *Encyclopedia of the Novel*. Ed. by P. Schellinger. Vol. 2. New York: Routledge, 1988. 838 p.
19. Hesse H. Stepnoy volk. In: Hesse H. *Collected works in 8 volumes*. Vol. 3. Moscow: Progress-Litera; Kharkov: Folio, 1994. Pp. 223–400. (In Russian)
20. Mann Th. Volshebnyaya gora (glavy shestaya-sed'maya). In: Mann Th. *Collected works in 10 vols*. Vol. 4. Moscow: Goslitizdat, 1959. 541 p. Pp. 7–528. (In Russian)

Беляков Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет

e-mail: d_belyakov@bk.ru

Belyakov Dmitry A., PhD in Philology, Acting Chairperson, Russian and World Literature Department, Translation and Interpreting Faculty, Moscow State Linguistic University

e-mail: d_belyakov@bk.ru

Статья поступила в редакцию 26.08.2020

The article was received on 26.08.2020